

рассказ

Сергей Челяев

Пока святые маршируют

34

Смерть явилась к Стэну на рассвете в образе чопорного пожилого джентльмена в безупречном костюме стального оттенка, с вежливой улыбкой на тонких губах и докторским саквояжиком в руке.

– Так скоро? – горько сказал Стэн, когда первый шок прошёл. – Но ведь я ещё не успел уладить все свои дела! С твоей стороны это просто свинство...

Споры со смертью – занятие достойное, но малоэффективное. Смерть

только пожала плечами, отчего в её саквояжике что-то глухо звякнуло.

– Неужели ничего нельзя сделать? – в отчаянии спросил Стэн. – Я никак не могу умереть до... послезавтра.

– Есть проблемы? – сухо сказала Смерть, равнодушно минув знак вопроса.

– А как же?! Послезавтра мы играем на сейшне, – развёл руками Стэн. – В клубе «У Весёлого Роджера» собираются все лабухи с побережья. Мы тоже решили тряхнуть стариной. Два месяца репетировали. Если только у тебя есть сердце...

– Три дня, – перебила его Смерть. – Как только доиграете. И ни минутой больше.

Бледная кисть скользнула в жилетный карман. Тонкие пальцы крутнули брегет. Щёлкнула крышка с глубокой гравировкой – черепом и костями.

– Секундомер? – уважительно спросил Стэн.

– Военное производство, – ответила Смерть. – Сейчас таких не делают. И нажала кнопку.

Стэн тут же почувствовал, как кольнуло в груди – холодно и звонко. Как упавшая сосулька. Тем временем Смерть рассеянным взором обвела его комнату.

– Можешь начинать прибираться.

Сергей Челяев (1960) родился в г. Укмерге (Литва). Живёт и работает в Казани. Специализируется на фантастике. Автор вышедшей в Москве трилогии «Ключи Коростеля», двух сказочных сериалов. Издаётся как в России, так и в ближнем зарубежье. Рассказ «Пока святые маршируют» – победитель литературных конкурсов и международного конкурса телесценариев в рамках кинофорума «KinoExpo Ukrain» (Киев). Премию кинофорума получил из рук легенды мировой фантастики Роберта Шекли

– Эту берлогу наследуют мои двоюродные племянницы, – покачал головой Стэн. – Ждут фурии не дождутся, когда ты заглянешь сюда. Вот пусть сами потом и прибираются.

– Тогда заведи часы, – посоветовала Смерть и направилась к выходу. Однако у порога обернулась.

– И запомни: у меня нет сердца.

После чего вышла вон, плотно притворив за собой дверь.

А Стэн без сил осел на стул! Перечитай эту фразу – именно так всё и было.

На репетицию он опоздал – подметал комнату. По дороге прихватил упаковку пива в качестве отмазки, увернулся от шутивных подзатыльников Моргана и Бэшена и уселся между ними на привычное место, как меж Сциллой и Харибдой. Но едва вынул из футляра трубу, как за спиной послышалось вежливое покашливание.

– Тут тебя мужик поджидает, – кивнул Бэшен, шелестя стальными барабанными щётками по альтам и дребезжащему «хэту». – Сказал, что старый приятель.

Стэн оглянулся – позади, на стуле с высокой спинкой, прямая как струна, сидела Смерть. На коленях покоился давешний саквояжик. Очевидно, со складной косой.

– Ты чего тут? – прошипел Стэн. – У меня же ещё два с половиной дня.

– А ты думал, теперь можешь отвлечься и расслабиться? – усмехнулась она. – Не выйдет. Всё это время я буду у тебя за спиной, так и знай. Помни обо мне хоть теперь, коли прежде было недосуг.

– Ну? – выжидательно буркнул Морган, любовно оглаживая гриф старинного контрабаса. На инструменте живого места не было от наклеек весьма вольного содержания, а на самых видных местах корпус, подобно стариковским морщинам, бороздили неумолимые трещины.

– Он с нами посидит, – пожал плечами Стэн. Перед его глазами разом

Рис. Влады Семёновой

пронеслась череда всех армейских приключений, автокатастроф и падений с дерева с регулярностью раз в каждые сопливые полгода до школы. – Это действительно... старый знакомый.

– Пусть только не храпит слишком уж громко на твоём соло! – подмигнул ему Пью Ядовитая Змея и пробежался по клавишам корявым, заплетающимся пассажером.

– Веселее, мальчишки! – гаркнул Бэшен и вдарил по тарелкам от души. – Тутти, вашу мать!

И они выдали тутти – фразу, которую все старательно играют в унисон, нота в ноту. А потом уже пошёл классный разброд и душевные свинговые шатания.

Пока разгоняли тему, Смерть всю дорогу смирно сидела на стуле, помаргивая белёсыми ресницами. Когда же дядя Том сипло взревел на своём монструозном саксофоне, как поперхнувшийся верблюд, она стала легонько пристукивать носком, но только какой-то совершенно иной, сдвинутый ритм. «Пять четвертей...» – просчитал Стэн и чуть не присвистнул: – «Нехило!» Взгляд его теперь был настолько прикован к чёрной туфле, что он едва не прозевал собственное соло. Повисла пауза, Стэн вздрогнул и медленно поднял к губам трубу. А потом неожиданно для всех и самого себя выдал вдохновенное, потрясное соло на пять четвертей, сломав к чёртовой матери весь предыдущий рисунок, но зато оторвавшись сполна.

Все уже давно перестали играть, и только труба Стэна упрямо докручивала до конца истерические рулады. Наконец смолк её последний визг на умопомрачительно высокой ноте, и наступила ватная тишина. Все старики потрясённо, а кто и возмущённо, смотрели на Стэна, а у того перед глазами повисла лишь одна навязчивая картинка: чёрная, начищенная до блеска туфля, отбивающая ритм для него одного.

Они вышли из клуба вместе. Смерть озабоченно взглянула на часы и зябко подняла воротник плаща.

– Ты неплохо играл сегодня, – скрипуче проговорила она. – Совсем как в молодости.

И не дожидаясь ответа, растворилась в дождливой пелене, затянувшей переулок. Стэн долго смотрел ей вслед.

Дома он допоздна сидел перед проигрывателем, слушая старые пластинки и чаще обычного поглядывая на будильник. Прежде Стэну было плевать на время, сейчас же ему казалось, что оно тикает слишком быстро. Затем он лежал в постели и вспоминал весь минувший день. Потом, как ни странно, уснул, но всю дорогу ему по башке колотила пять четвертей чёртова туфля.

На следующую репетицию Смерть притащилась опять. На этот раз опоздала уже она и была встречена критической руладой саксофона Дяди Тома сразу после двенадцатой цифры. Смерть кивнула старому негру и приветственно помахала остальным. Старики важно закивали в ответ и при этом даже почти не свернули с ритма, только наломали кучу судорожных сбивок. В конце концов, джаз без синкопы – что рэп из Европы!

Однако сегодня у Стэна не ладилось. Игра не шла, соло прошло без полёта, вдоваков во рту постоянно сохло. В довершение ко всему он безобразно задул мундштук, так что пришлось делать перерыв. Смерть тем временем беззаботно болтала с Морганом и Бэшеном; по всей видимости, у них обнаружилась куча общих тем и знакомых.

– Я вижу, твои мысли начинают принимать правильное направление, – заметила Смерть, когда они шли к остановке. Стэн предпочитал ходить до клуба пешком, берёт деньги и здоровье. Смерть же сегодня вечером, по её словам, ещё должна была успеть в кучу мест, а в такси она не садилась из принципа.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Стэн.

– Я слышу по твоей сегодняшней игре, что ты наконец-то задумался обо мне, – ответила она. – Это похвально, хотя, признаем, спохватился ты поздно.

– А почему ты вчера обмолвился про мою молодость? Ты что, подсматривал за мной уже тогда?

Он вдруг поймал себя на том, что прежде всегда считал Смерть уродливой старухой, а теперь уже почти уверился в её мужской сущности. Чем же она была на самом деле?

– Скорее, подслушивал, – предположила Смерть. – В молодости, знаешь ли, все увлекаются джазом. Только, пожалуй, не все об этом догадываются.

– Я так понимаю, ты и на сейшн завтра придёшь? – хрипло спросил Стэн. – Там будут платные входные.

– У меня контрамарка, – буркнула Смерть. – Отыграешь, и пойдём.

– А как это... будет? – Стэн вмиг приуныл. – Далеко идти?

– Если хорошо отыграете, провожу тебя немножко, – пообещала она и ловко вскочила в открытые двери автобуса.

А Стэн весь вечер пил и последнюю в своей жизни ночь совершенно не запомнил. Может, оно и к лучшему.

Смерть пришла, когда весь бэнд отдыхал за столиком, а Морган настраивал на сцене контрабас. Она выставила пиво и орешки, и старые лабухи одобритительно хлопали её по спине. Стэн же только покосился в её сторону и тут же угрюмо отвернулся. После вчерашнего у него раскалывалась голова, было разбито сердце из-за безутешной жалости к себе и першило в горле, что для трубача перед концертом, разумеется, не есть хорошо. Вдобавок по соседству сидела компания молодых львов, судя по прикиду и гитарным кофрам, рубившая джаз-рок наотмашь. Длинный бритый наголо юнец, очевидно, басист, ревнивым ухом прислушивался к упражнениям Моргана на сцене и язвительно критиковал, неприлич-

но громко даже для музыкального клуба. Морган же, простая душа и дитя старых и добрых джазовых стандартов, увлечённо настраивал норовистый инструмент, дёргая струны немудрящими, отрывочными «картошками»:

– Бум-бум! Бум-бум! Бум-бум! Бум... Бум-бум-бум-бум!

И так по кругу.

– О-о, слажал! – заливался юнец, ухахатываясь с соратниками над «старым валенком». – А-а! Опять слажал!!!

В зале стали хихикать и язвительно прихлопывать, а Морган, глухая тетеря и дубина стоеросовая, принял всё за чистую монету и с удвоенной энергией продолжал дёргать стальные карандаши струн.

Все старики за столом разом приуныли, Стэн с досады даже плюнул, и только Смерть повернула голову и холодно глянула на горластого юнца. Надо сказать, что прикид у неё сегодня был что надо: иссиня-чёрная тройка с серым воротником и старинным значком в петлице, белоснежная сорочка и лаковые штиблеты цвета душевной ночи в Каролине. От Смерти веяло могильным холодком, и паренёк, словно ощутив дыхание беды, тут же сник. Теперь он только шептался с приятелями, изредка поглядывая на соседний столик.

Тем временем вернулся Морган, крайне довольный собой и свежим пивом за столом. Следующим на сцену забрался юнец, тут же усевшись прямо на монитор подзвучки. Он с шикарным треском распахнул пластиковый кофр и извлёк оттуда сверкающее чудо гитарной техники – безладовый джаз-бас. «Джек» шнура вошёл в гнездо с сухим щелчком, ласкающим ухо всякого гитариста, повернулся тумблер, и гитара тихонько загудела, наливаясь мощью идущего усиления. Затем наводки сошли, всё стихло, и правая рука юнца принялась откалывать на гитаре фортели.

Его большой палец резко клевал с оттягом, точно откупоривал бутылки, с размаху ударял по струнам, ходил взад

и вперёд как заведённый, безумным маятником, и хлёсткий, упругий, металлический бас ударял по залу лавиной низких частот. Юнец был мастером слэпа – особого искусства игры на бас-гитаре с высоко поднятыми струнами. В это же время пальцы его левой руки без усталости бродили по безладовому грифу, делая подтяжки и скользящие глассандо не хуже контрабаса в руках истинного виртуоза.

Юнец выдал вдохновенный каскад ходов, способный закопать любого конкурента одними только понтами на технику, и резко оборвал. В зале повисла восхищённая и завистливая тишина, было слышно только, как Смерть закуривает, щёлкая золочёной зажигалкой.

– О-о! Правильно сыграл! – негромко произнесла она в мёртвой тиши клуба. И со вкусом выдохнув дымную струю в сторону сцены, одобрительно прибавила:

– А-а! Опять правильно сыграл!

Зал разразился хохотом. Смеялись все, но громче всех старые музыканты, которых тут набралось со всего побережья. Народ свистел, топал ногами, ибо только музыкант был в состоянии адекватно оценить всю соль этой смертельной шутки. А юнец, пристыженный и сконфуженный, бочком-бочком убрался со сцены и затерялся где-то у барной стойки, заливая пивом свои явно не лучшие времена.

Впрочем, потом все здорово хлопали этим ребятам, включая Стэна и Моргана, и даже Смерть разок свистнула в знак одобрения хорошему фанки. Ребята эти были, в сущности, совсем неплохими музыкантами, а похвала старых лабухов отныне просто лила им бальзам на душу.

Бэнд Стэна должен был играть уже под занавес, и не потому, что они были лучшими. Просто так решил честный жребий – обычай, которого не встретишь на поп-тусовках. А до этого Стэн и Смерть успели разок перекинуться словечком.

– Ну, как тебе тут, у нас? – крикнул Стэн ей прямо в ухо, поскольку уровень

грохота в зале неуклонно возрастал к вящему удовольствию всех.

– Вполне, – кивнула Смерть и пронзительно свистнула барабанщику, чрезмерно увлечшемуся соло. – Но вообще-то я больше люблю реггей и госпел.

Наконец их вызвали на сцену. В зале хлопали – их всё ещё помнили, поскольку было полно своих. Первые две пьесы отыграли очень прилично, ничего не скажешь. В третьей поначалу немного завязли из-за Бэшена с его барабанами, но Дядя Том спас положение, когда запел прямо в саксофон свои чёрные песни. Добрая треть зала восхищённо взывала, другая одобрительно засвистела, третья сдержанно улыбалась и качала головами в такт. Оставалась последняя, четвёртая, композиция.

Стэн оглядел зал. Смерть сидела среди десятков других зрителей в полутьме и смотрела на него. Взгляд её как всегда был холоден и строг. Стэн вытер рот, массируя губы, и, отстранив Дядю Тома, у которого было первое соло, подошёл к микрофону. Старый негр удивлённо взглянул на него и сделал руками судорожное движение, точно расстреливал Стэна из серебристого саксофона. Стэну показалось, что из выгнутого раструба веером вырвались раскалённые, шипящие ноты и устремились к нему. Он вздохнул и громко сказал полутьме:

– Сейчас мы будем играть последнюю пьесу. Вы её все знаете. «Когда святые маршируют». Не знаю, кому как, а я бы хотел это увидеть.

В зале одобрительно загудели, кто-то свистнул.

– Мы, наверное, уже никогда не соберёмся вместе. Годы, дела, заботы... в общем, сами понимаете.

Засвистели громче, раздались жидкие хлопки. «Ну, сво-о-олочь...» – протянул чей-то восхищённый пьяный тенорок.

– И я благодарен парням, – Стэн обвёл широким жестом лабухов, что улыбались за спиной, – но не меньше того благодарен и судьбе. Той, которая

позволила нам собраться здесь, в этом отличном клубе, и играть для вас. Это просто кайф.

И он снова взглянул на Смерть, теперь уже – в упор. Та медленно и с достоинством наклонила голову, принимая благодарность на свой счёт. А зал уже шумела и волновался.

– Мы играем всю жизнь, потому что больше ничего толком и не умеем, – покачал головой Стэн. – Что я буду делать потом, когда доиграю свою партию? Кто мне скажет тогда, правильно ли я жил всё это время? Ведь у нас ничего не осталось, кроме музыки. И ты мы сейчас отдадим вам.

И они сыграли. Труба Стэна творила чудеса: она словно жила отдельно от пальцев и губ, точно кто-то незримый приказывал ей петь. Она вела Стэна за собой, и он, поражённый, торопливо шагал за своей музыкой, как когда-то в детстве – босыми ногами по запылённой жёлтой дороге. А музыка летела впереди и поминутно оглядывалась, лукаво улыбаясь, как шаловливая девчонка. Потом он её догнал и сжал в объятиях, так что на глаза навернулись слёзы. И вспомнилось прошлое, и плакалось о настоящем, и уже не было будущего. Труба Стэна подняла в клубе волшебный ветер, и звуки её плыли, летели всё выше и выше, к самым высотам света и печали. И, возрождаясь, умирали, и ветру не было конца.

Он отнял трубу от дрожащих, натруженных губ. Вокруг было тихо, зал смотрел на него и молчал. На какое-то отчаянное мгновение Стэну даже показалось, что Смерти нет. Как это бывает в кино: пустое место за столом, сентиментальная и светлая музыка за кадром и влажные глаза женщин.

Он действительно был пуст, её стул за столиком, уставленным пивными банками и дешёвыми фарфоровыми пепельницами. Смерти действительно не было. «Это оттого, что я уже минут пять, как умер, наверное... – подумал Стэн. – И для меня самое страшное теперь уже позади».

Он положил трубу на крышку раздолбанного вдрабадан рояля. Пробормотал старикам невнятные слова не то извинения, не то прощания, спустился со сцены и пошёл по узкому проходу к дверям. Стэн знал, что там его ждут.

Наверное, ему хлопали, наверное, свистели или кричали. Лабухи на сцене совершенно потерялись, лишь сакс Дяди Тома тревожно и жалобно гудел ему вслед. Но Стэн уже ничего не слышал. Он открыл дверь и вышел из клуба вон.

Смерть стояла на крыльце, скрестив руки на груди. Стэн остановился в нерешительности.

– Бери, – кивнула она на саквояжик у ног. – Три дня ношу.

– Что это?

– Пригодится, – заверила она. – Идём, тут недалеко.

В конце улицы перед ними возникла дверь, и Смерть велела открыть саквояж. Там лежала золотая труба, маленькая и аккуратная; точь-в-точь как его самый первый инструмент, на котором он учился извлекать звук и правильно держать дыхалку.

– Дай им знать, что мы уже тут, – велела Смерть, и Стэн, повинувшись решительному жесту, поднял трубу. У него тряслись руки, прыгал подбородок, и он не сразу поймал губами мундштук.

– Дунь пару раз, чтобы эти сони услышали, – кивнула Смерть.

Стэн поднатужился и... дунул. Звук трубы он не услышал, зато дверь тут же бесшумно открылась, и перед ними возник абсолютно чёрный проём. Зловещий и мрачный. Стэн невольно попятился.

– Смелее, – подбодрила его Смерть. – Шагай туда и не оглядывайся. Плохая примета, знаешь ли.

Стэн мысленно прошептал самую короткую молитву, воззвал ко всем святым и, зажмурившись, шагнул, крепко сжимая трубу.

Несколько мгновений было тихо и темно. Поэтому он открыл глаза. В ту же секунду, точно только того и ждали,

вспыхнули ослепительные прожекторы. Что-то с шипением завертелось над головой, разбрызгивая трескучие искры, и десятки медных труб ударили разнужданным, хулиганским аккордом прямо ему в лицо. Стэн заорал от ужаса, но кто-то невидимый за спиной повелительно крикнул:

– Тутти, вашу мать!

Целый батальон трубачей самого причудливого обличья и прикида тут же надвинулся на него и обрушил на голову Стэну поток сверкающей меди первых четырёх тактов. Крайний из последнего ряда, белобрый парнишка в камуфляжной форме норвежских егерей, шагнул в сторону и призывно помахал Стэну сигнальным рожком.

– Двигай сюда! – крикнул он с характерным скандинавским акцентом. – Мы тебя уже заждались.

Стэн вопросительно указал на свою трубу, и пареньё закивал. Тогда он шагнул в строй, слегка потеснив тучного негра с трубой «под сурдинку», и батальон сразу пришёл в движение. Сотня труб слаженно грянула «Святых», и Стэн, очумело вертя головой, зашагал вместе со всеми, подлаживая шаг.

– Куда это мы? – удивился он.

– На парад, – весело откликнулся пареньё. – Ты что, забыл, что сегодня – канун дня всех святых? Они нынче маршируют, а мы играем. Три дня тебя жда-

ли, между прочим. Боюсь, теперь придётся поторопиться.

Батальон действительно ускорил шаг. Норвежец с минуту одобрительно глядел на семенящего Стэна, а затем подмигнул.

– Ничего, быстро подстроись. Говорят, прилично дуешь?! Ладно, посмотрим, каков ты в деле... А теперь держи дистанцию, твёрже ставь ноги и ничего не бойся – сейчас будем подниматься!

И он поднял сигнальный рожок к небу.

Никто не знает, какого рода приходит к нам смерть. Иные её движения грубы и сродни мужским, другие проявления – женственны в своём изяществе. Но вряд ли она – Нечто Среднее. Потому что всегда реально смотрит на жизнь.

Да, кстати...

Only the one who sincerely loved life, can understand battalion, leaving in the sky.

Только тот, кто искренне любил жизнь, поймёт батальон, уходящий в небо.

Пожалуй, это можно попробовать на пять четвертей. Пока святые ещё маршируют.